

ГАЛИНА БОДНАР,

кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории Украины имени Михаила Грушевского исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко (79000, Львов, ул. Университетская, 1)

HALYNA BODNAR,

Candidate of Sciences in History, Associate Professor at the Mykhailo Hrushevskyyi Department of Contemporary History of Ukraine, Faculty of History, Ivan Franko National University of Lviv (1, Universytetska St., Lviv, 79000)

halyna.bod@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7972-8111>

Поколение независимости в Революции Достоинства

В течение короткого времени после Революции Достоинства нет недостатка в научных исследованиях по ее изучению (из последних: [Революція Гідності, 2020; Ukraine's Euromaidan, 2015; Шор, 2018]), достаточно представительной является и источниковая база [Майдан. Свідчення, 2016; Літопис самовидців, 2014; Майдан від першої особи, 2015, 2016, 2017, 2018]. Собранные материалы позволяют выделить рассказы отдельных категорий участников и внимательно присмотреться к ним. В частности, речь идет о ровесниках независимости — первое поколение, родившееся в независимой Украине. Сделать это необходимо главным образом для того, чтобы воссоздать мотивацию их участия в событиях 2013–2014 годов, их настроения, представления, ожидания, эмоции и приобретенный опыт.

В данном случае мы сосредоточимся лишь на разрозненной фракции ровесников независимости — тех, кто встал и остался по эту сторону уже не воображаемой линии раскола, которая прошла через территорию Украины. Историкам и социологам еще только предстоит выяснить предпочтения и стремления тех ровесников государства, которые оставались в стороне и были равнодушны, а также тех, кто выступил против. То есть для создания полной картины нужно описать еще и конфликт внутри этой возрастной когорты, различия в умонастроениях, отношении, установках, поведении по крайней мере этих трех отдельных ее элементов.

За основу, таким образом, взяты записи, сделанные при участии автора в течение апреля 2015 — октября 2018 года в рамках всеукраинского проекта Украинского института национальной памяти «Майдан: устная история», в котором

Цитирование: Боднар, Г. (2021). Поколение независимости в Революции Достоинства. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 52–64. <https://doi.org/10.15407/sociology2021.03.052>

представлены все области Украины и АР Крым. Беседы проводились с использованием полуструктурированного тематического интервью, состоявшего из двух частей: нарративной (свободного рассказа) и структурированной (ответа на вопросы). На первую, фактически не ограниченную во времени, приходилась большая часть воспоминаний, а дополнительные вопросы были в основном привязаны к наррации респондента/-ки.

Треть записей (415 интервью) вошли в сборник «Майдан от первого лица» в двух частях [Майдан від першої особи, 2017, 2018]. Это подборка интервью с активными участниками, которые были отобраны для публикации среди всех остальных записанных в конкретной области (1200 интервью в целом по Украине). Возраст, пол и другие параметры не были определяющими при отборе рассказчиков/-чиц: таковыми могли быть и те, кто по-разному приобщался к тому или иному региональному майдану, и те, кто участвовал и в киевском, и в региональном. Из 415 записей на каждую область пришлось в среднем по 2–3 интервью с родившимися на рубеже 1980–1990-х годов (всего 59). Это воспоминания 37 мужчин и 22 женщин. Среди них 26 человек были главами и представителями/представительницами общественных организаций или инициатив, их региональных ячеек и членами политических партий. 21 человек — журналисты, учителя, частные предприниматели, государственные служащие, дизайнеры, программист, научный сотрудник, детская аниматорша, организатор образовательных проектов и лагерей для молодежи. 12 человек — студенты и аспиранты высших учебных заведений.

Разумеется, речь пойдет о тогдашнем видении и восприятии Революции Достоинства, о моментальном срезе сознания поколения без тех коррекций, которые неизбежно происходят со временем, учитывая неизбежные расхождения ожиданий и надежд с реалиями, возникающими по каким-то неподвластным отдельным людям причинам. И всегда большее внимание информанты уделяли киевскому Майдану, ведь главные события происходили там, при этом они осознанно различали события в столице и на местах.

«За достойную жизнь»: мотивация и начало протестов осенью 2013 года

Неожиданное решение отказаться от ассоциации Украины с Евросоюзом всколыхнуло гражданское общество и вывело тысячи митингующих на улицы. Для поколения независимости соглашение об ассоциации с ЕС давало «надежду, что станет лучше», отказ же от его подписания свидетельствовал о том, что «обрубили будущее и нас повернули в другую сторону» (Маркиян, Львовская обл.), что «начнется разворот в сторону России и Таможенного союза, а значит, и дальнейшая русификация» (Елена, Кировоградская обл.). Некоторые рассказчики восприняли весть об отмене соглашения весьма болезненно, «как личное оскорбление» — «расплакалась, у меня было ужасное состояние, мне было так досадно» (Юлия, Черновицкая обл.), «я был зол, очень зол — словами даже не передать» (Богдан, Закарпатская обл.). Часто респонденты апеллировали к собственному опыту пребывания в странах ЕС с высоким уровнем жизни населения.

Впрочем, не все участники тех событий были приверженцами евроинтеграционного курса, поколение ровесников независимости было и остается неодно-

родным по внешнеполитическим ориентациям: «никогда не был за вступление в Европейский Союз» (Андрей, Сумская обл.), «скептически к этому относился» (Максим, Запорожская обл.), «видел в этой интеграции не только плюсы, но и кучу минусов» (Роман, Львовская обл.). Они были не «за» европейский выбор, а «против» режима Януковича, тотальной коррупции, свертывания демократических прав и свобод. Политический маневр власти воспринимался как «издевательство и нивелирование всех ценностей, особенно конституционных — о том, что народ у нас является источником власти» (Татьяна, Полтавская обл.). Речь шла о «совершенно несправедливом, бандитском и преступном режиме тогдашнего президента» (Алексей, Николаевская обл.), о том, «чтобы убрать эту кровавую систему» (Иван, Херсонская обл.), и «чем сильнее закручивались гайки, тем громче и резче приходилось протестовать» (Вера, Одесская обл.).

Осень 2013 года ощущалась, а потом и вспоминалась как время громко заявленной потребности в коренных качественных изменениях как на локальном, так и на общем уровне: «видела, насколько этой стране, в частности и этому городу [Николаев], нужны перемены к лучшему» (Евгения, Николаевская обл.), «наша Украина стала независимой 20 с лишним лет назад, но, по большому счету, ничего в стране не сделано. Она так и остается постсоветской. Но рано или поздно нужно выходить из этого состояния, необходимо что-то менять» (Татьяна, Полтавская обл.), «[в Крыму] встал вопрос: мы хотим и дальше так жить, не имея нормальной власти, которая любит и ценит своих граждан? Или давайте что-то менять?» (Исмаил, АР Крым), «Запорожский Майдан начался раньше, чем по всей Украине. У нас события начались с акций протеста против существовавшей системы — против тогдашнего мэра Александра Сина, против всей верхушки на местах, против «власти смотрящих»» (Андрей, Запорожская обл.).

«За что?»: ночь на 30 ноября 2013 года

В публикациях на тему событий осени 2013 — зимы 2014 года есть две критических даты. Ночь на 30 ноября 2013 года — избиение бойцами отрядов особого назначения МВД «Беркут» протестующих (преимущественно студенческой молодежи), что трактуется как переломный момент, сместивший акцент протестов с проевропейского на антивластный [Шведа, 2014]. Вторая дата — 16 января 2014 года, когда Верховная Рада приняла законы, которые существенно сужали права и свободы граждан, так что протестующие с этого момента оказались перед угрозой уголовного преследования. С этого времени отказ от ассоциации Украины с Евросоюзом «отошел на второй план и Евромайдан начал перерастать в Революцию Достоинства» [Кульчицкий, 2020: с. 179]. В устной же истории тех событий речь прежде всего и в гораздо большей мере шла об избиении в ночь на 30 ноября 2013 года.

Для большинства ровесников независимости именно тогда Евромайдан перерос в Революцию Достоинства. «Шок» — описывают они свое состояние от известия о событиях в ночь на 30 ноября: «я был шокирован», «у меня был такой шок», «кадры, в самом деле шокирующие», «ужас», «это было, конечно, шоком». Закрадывалось сомнение, неужели эти кадры действительно из Киева — возможно, «из другой страны или какого-то фильма», «непонятно было, что происходило». Тех, кто не принимал активного участия в протестах до этого времени (а таких

было немало), вывели на майданы стремление к справедливости и гнев. «Я хотела что-то изменять, у меня было огромное, невероятное желание» (Алина, Ривненская обл.), «четкого плана не было, но мы понимали, что так оставить это нельзя» (Юлия, Черновицкая обл.). «Что тогда очень поразило, и это очень идеологически сыграло против власти, — делился участник из Запорожья, — распространился слух, что впервые со времен монголо-татарского нашествия киевские соборы звонили в колокола, извещая об опасности. И впервые стены собора приютили людей от этой опасности. Когда автобусы с «Беркутом» начали подъезжать под Михайловский собор, священники впустили всех [протестующих] внутрь, закрыли ворота и стали звонить в колокола» (Андрей, Запорожская обл.).

Не остались без внимания респондентов и законы 16 января. На них, как на стимул к мобилизации, указывали рассказчики из Харькова и Кропивницкого. Один из харьковских участников делился, что до того момента он как-то один раз «пришел, постоял, послушал и ушел, поскольку считал, что повторится сценарий 2004–2005 годов, ничего не изменится», однако после трагических событий на улице Грушевского 19–22 января «начал понимать, что власть пытается установить у нас откровенно авторитарный режим» (Кирилл, Харьковская обл.); «Мы осознали, что назад пути нет. Тогда мы поняли: или нас всех «закроют» и уничтожат, или мы победим» (Андрей, Кировоградская обл.).

«С киевского Майдана мы возвращались другими»: столица — регионы

Поколение независимости, в основном мужчины, делилось воспоминаниями о разных майданах — киевском и региональных. Поездки в Киев были частыми и необходимыми — на столичный Майдан ехали, поскольку «основные события происходили там», «ехали за тем огоньком, возвращались и пытались его поддерживать здесь» (Андрей, Сумская обл.), «ты ехал туда с одними мыслями, а возвращался с абсолютно другими, с другими ценностями» (Любомир, Львовская обл.). Вспоминали разительное отличие, например, киевского и львовского майданов — «Ты видел там [в Киеве] дым, огонь, возвращался сюда [во Львов] — а тут спокойно, тут все хорошо, тут по-прежнему поют...» (Любомир, Львовская обл.). Для большинства возвращение домой (даже на несколько дней) было моральным отдыхом, своеобразной перезарядкой. И наоборот, поездки некоторых организаторов локальных майданов в столицу позволяли им «отдохнуть». «Киев для нас — это был некий отпуск, — делилась сокоординатор ужгородского Евромайдана, детский аниматор. — Не потому, что нас из Ужгорода не отпускали или боялись, а потому, что нужно было держать наш ужгородский Майдан. Нужно было, чтобы кто-то из организаторов все время находился здесь. Так что Киев у нас был как отпуск, мы уже там не занимались организационными делами — «двигевали», были на баррикадах» (Надежда, Закарпатская обл.).

Крымскому татарину, сокоординатору крымского Евромайдана, частному предпринимателю важно было показать, когда ехал в Киев, что «в Крыму тоже есть Майдан» (Исмаил, АР Крым). Рассказчики делились своими впечатлениями о том, как менялись их города — Донецк, Ужгород, Запорожье. Ужгород, центр Закарпатья, который был «как будто оторван от патриотизма, от всей Украины», а сейчас «идентифицирует себя как часть Украины». В Запорожье

дошло до охраны флага Украины возле обладминистрации; такое, предполагал рассказчик, могло происходить в 1990–1991 годах. Соответствующие высказывания сведены в своего рода таблицу.

«Крым сам может давать импульс событиям»	«Харьков на меня произвел огромное впечатление»	«Мы — часть Украины»
<p>Лично для меня переломным этапом стало то, что мы напечатали в Крыму газету «Мысль» — о нашем Евромайдане. И приехали в конце декабря в Киев, где стали ее раздавать людям. Я так понимаю, что тогда была определенная стагнация в протестных настроениях, и когда мы приехали из Крыма и привезли газету, то этим сказали: «Мы тоже с вами». [...] Для меня это означало, что есть люди, которым нужно сказать, что в Крыму тоже есть Майдан. Ведь они думали, что Крым такой пророссийский, пассивный, и его нужно тянуть. А оказалось, что Крым сам может давать импульс событиям. И я уверен, многие люди благодаря этому еще раз поверили, что они не просто там стоят (Исмаил, АР Крым)</p>	<p>Мне приходилось бывать на Майдане в Харькове — во время форума Евромайданов. И Харьков на меня произвел огромное впечатление, потому что мужество организаторов этого форума было чрезвычайным. Я почувствовал разницу: насколько труднее проводить Майдан в таком городе, как Харьков, где власть делает все, чтобы люди не могли нормально организовать протесты. [...] На самом деле было страшно. Чтобы провести собрание, пришлось сменить три локации. Титушки постоянно нападали. По сравнению с Харьковом в Черновцах условия были, можно сказать, тепличные. Но понятно, что власть у нас так же выступала против майдановцев (Тарас, Черновицкая обл.)</p>	<p>[О донецком Майдане]. Было видно, что у людей появилась надежда и что они готовы ради этого жертвовать личным временем, какими-то своими вещами — чтобы облегчить судьбу друг друга, чтобы сделать менее тягостной нашу борьбу (Артур, Донецкая обл.).</p> <p>29-го [ноября] мы проводили большой марш, собрали, по нашим подсчетам, около 5 тысяч человек. Шли по городу, люди скандировали: «Слава Украине! — Героям слава!». Это было очень приятно, меня поразила такая патриотическая атмосфера. Ведь очень долго чувствовалось, что Закарпатье как бы оторвано от патриотизма, от всей Украины. Хотя мы — Западная Украина, но на выборах у нас всегда выигрывала Партия регионов. И я был очень рад, что наконец-то, может, что-то у нас меняется (Тарас, Закарпатская обл.). После Майдана Закарпатье идентифицирует себя как часть Украины. [...] [Люди] понимают, что такое Украина, что такое вышиванка, кто такие герои (Надежда, Закарпатская обл.).</p> <p>Как-то так вышло, что мы встретились возле главпочтамта и охраняли флаг возле обладминистрации. Тогда всякая сволочь каталась по облцентрам и срывала флаги: Харьков, Днепр, Донецк, Луганск... Помню, в тот день привезли желто-синюю ленту, мы порезали ее ножами перочинными, которые были у нас в карманах, — криво, понятное дело, порезали. И повязали на рукав, левый. Мы были кто в чем. В обычной одежде, бытовой, с желто-голубыми лентами. Такого еще никогда не было в Запорожье. Если и было, то, может, в 1990–1991 годах — не знаю, не помню, я был тогда маленький.</p> <p>И мы охраняли флаг. [...] Если раньше украинский флаг воспринимался скорее как отклонение, [...] то теперь это норма. [...] А вышиванка вообще стала почти униформой на праздниках (Максим, Запорожская обл.)</p>

Майдан воспринимался как пространство солидарности, вспоминалась его атмосфера — дружеская, искренняя и неподдельная, когда все были равны: «Я знала, что как только я приду туда, всегда найду поддержку, мне всегда помогут, и я знала, что там хорошие люди» (Алина, Ривненская обл.); «Мы были как одно целое. [...] Ты понимал, что ты не одинок, что ты — в огромном монолите, который движется в одном направлении» (Любомир, Львовская обл.).

**«Этот протест не подавить силой»:
новый опыт, вызовы и опасности в регионах**

Для всех новые задачи были вызовом и новым опытом. «Мы старались где-то обмениваться информацией, где-то помогать, так как для многих из нас все это было довольно новое», — вспоминала сокоординатор николаевского Майдана (Евгения, Николаевская обл.). Организовывая работу майданов в регионах, молодые активисты отваживались и открывали для себя новые ниши, рисковали и достигали успеха. К ним пришло публичное признание, их стали узнавать.

«Нам удалось это сделать»

Мы организовали флешмоб — встали в форме букв «ЕС». Ощущался великий позитив, и тогда мы поняли, что все-таки сорвали с места молодежь. Это была эйфория, очень сильная, потому что раньше такого не было, мы такого еще не делали, и нам это удалось. Эти тысячи студентов, которые в Луцке никогда не выходят на акции, они взяли и пришли (Майя, Волынская обл.).

Мы ходили по факультетам Ужгородского национального университета, и я тогда впервые в жизни в руки взяла рупор. Это было невероятное ощущение. Мы зашли в аудиторию. Поначалу было очень страшно — могли воспринять неправильно: какая-то девчонка 17-летняя с рупором?! Потом я набралась смелости. Когда собирается больше людей, когда ты видишь поддержку, видишь, что это не только тебе важно, но и другим... (Надежда, Закарпатская обл.).

Наступили события 1 декабря. [...] первое, что мы решили: нужно показать черниговцам, поскольку мы местное телевидение, что происходит в Киеве, глазами людей, которые ходят рядом с ними, которые так же видят Чернигов. Мы видели свою задачу в том, чтобы показать: на Майдане в Киеве люди не только из Западной Украины, как это пыталась утверждать Партия регионов, но и черниговцы, и их много. [...] Я в то время была молодой журналисткой, которая только год работала на телевидении. Мои старшие коллеги не понимали, что происходит, как мы это все будем подавать. И мы чувствовали огромную ответственность перед черниговцами и старались сделать абсолютно все в рамках того, что нам позволял закон, чтобы люди могли получить информацию (Евгения, Черниговская обл.).

Где-то в начале декабря мы решили устроить стрим. У нас был чисто спортивный интерес: можно ли организовать трансляцию происходящего на Майдане? И нам удалось это сделать. [...] Нас смотрели многие, это было очень приятно. Это то, что открыло для меня многих людей, медийную активность. Мы фактически стали публичными людьми. Это нас ставило на один уровень с теми же политиками. То есть мы имели какой-то вес в тех событиях, и люди это понимали (Дмитрий, Сумская обл.).

Шел митинг, со сцены выступали представители разных общественных организаций, политических партий и городской голова. После своего выступления он передал слово молодежи. Мы представили конкретный план действий, последним пунктом которого было объявление с понедельника общей студенческой забастовки по всем вузам Тернополя. Для нас это был серьезный вызов: во-первых, никто такого раньше не делал, а во-вторых, студенты боялись, что их выгонят из университетов. После митинга к нам подходило много людей — они благодарили за то, что в наших выступлениях был не популизм, а конструктивный план дальнейших действий (Любомир, Тернопольская обл.).

Рассказчики вспоминали опасности, с которыми сталкивались на региональных майданах. Для них это было сложным переживанием. «Жестоко избили», «ночью подожгли двери квартиры», «ужас, крики, бьют людей, кричат от боли», «для меня Майдан был такой стрессовой ситуацией, ведь я очень боюсь физического насилия», «было очень страшно» — отрывистые воспоминания женщин о том, что трудно вспоминать. Молодые женщины сознавались в страхе перед очевидной угрозой умышленного нанесения им физического вреда: «Я комфорт-

но чувствую себя, пока мы действуем в правовом поле: говорить, судиться мне не страшно, ходить к чиновникам, спорить... Но как только мне оппонировать с применением физической силы, я просто теряюсь, у меня такая паника возникает... Именно поэтому я уехала из Крыма достаточно рано, в начале оккупации. Я не была готова к тому давлению, которое уже там началось» (Александра, АР Крым). Респонденты осознавали, что действуют в конфликтной среде, насыщенной рисками и опасностью. «Сначала о каких-то страхах даже не думалось. Это чувство уже позже пришло» (Игорь, Черновицкая обл.); «Сначала это был драйв, задор и какой-то юношеский максимализм. [...] нужно было решать, что с этим делать дальше: брать на себя эту ответственность — за себя и за своих друзей — или поддаться страху» (Татьяна, Ивано-Франковская обл.).

Угроза открытия уголовного дела — новая реальность, с которой столкнулись молодые активисты (Ирина, Хмельницкая обл.; Майя, Волынская обл.; Николай, Волынская обл.; Елена, Кировоградская обл.; Андрей, Запорожская обл.). Рассказывали как о своем случае, так и об арестах близких людей. Речь шла не столько о страхах перед арестом (хотя они обычно были), сколько об оставленных незаконченных делах, абсурдности ситуации и даже мотивации к более активным действиям. Отдельная тематика рассказов — «когда активно вывели титушек». Упомянули о стычках с титушками, ранениях друзей, а в случае донецкого Майдана — переходе в подпольный период (Евгения, Черниговская обл.; Алексей, Николаевская обл.; Кристина, Николаевская обл.; Артур, Донецкая обл.).

Небесная Сотня: «Они пожертвовали собой ради того, чтобы мы могли жить лучше»

22 января 2014 года, в День Соборности Украины снайперы «Беркута» застрелили Сергея Нигояна (1993 г. р.) и Михаила Жизневского (1988 г. р.) — первых погибших, после них пошел отсчет жертв режима, названных Небесной Сотней. В первые смерти на Майдане не верилось сразу: «[...] убили Сергея Нигояна. У меня был шок. Я стала проверять новости [...]. Возможно, его подстрелили или избили, сломали руки-ноги, но точно не убили. Ну как?.. Это невозможно. Тогда я прочитала, что все-таки это правда. Я была в ступоре, два часа ни с кем не разговаривала, просто сидела и смотрела в одну точку» (Юлия, Черновицкая обл.).

Это было уже не стояние за достоинство, это было начало войны за достоинство. «Я что-то носил, помогал строить баррикады, что-то такое. Чтобы было хоть какое-то занятие» (Маркиян, Львовская обл.); «[...] моей функцией стал перевод на английский язык постов со страницы «Евромайдан SOS» и вообще любых постов о Майдане в Фейсбуке. Ведь за нашими событиями наблюдали многие люди в мире» (Ирина, Хмельницкая обл.); «[Из Кропивницкого в Киев муж] возил медикаменты, забирал и отвозил людей. Всю ночь в дороге — утром на работу. И так несколько дней подряд» (Елена, Кировоградская обл.); «И ты понимаешь, что просто нельзя дома оставаться» (Ирина, Херсонская обл.).

То, что это именно война, осознавалось постепенно. «Уже потом, когда мы отступили немного, потому что нас начали травить газом, я понял, что это просто так не закончится, это не просто заворушка» (Иван, Сумская обл.); «Мы не

понимали вообще, что произошло. Осознание пришло уже после того, как мы вернулись во Львов. Проснулись дома, и тогда вся картина сложилась» (Любомир, Львовская обл.); «“Андрея Мовчана убили”. А я написала эти слова на нашей демальянсовской странице в Фейсбуке. Не веря в то, что происходит, в то, что я делаю...» (Вера, Одесская обл.).

«Они — Герои»

Думаю, если бы на Майдане все сразу перешло к насилию, у нас бы не было такой поддержки Европы и большинства населения внутри страны. Это спихнули бы на радикалов, и их бы не поддержали. Но очень долгое время люди просто стояли и демонстрировали свою позицию. С другой стороны, без людей, которые были готовы на более радикальные действия, протест, наверное, никуда бы не дошел. Все, пожалуй, просто погасло бы. Но, в итоге, почему Майдан победил? По моему мнению, благодаря самопожертвованию тех, кто оставался там стоять — когда убивали людей, их друзей. Они там оставались, и это была такая жертва... Для меня это что-то подобное библейским историям об Иисусе — когда он пожертвовал собой ради большего блага и ради других людей. Эти люди — Небесная Сотня — совершили святой поступок, по моему мнению. Они пожертвовали собой ради того, чтобы мы, все остальные, могли жить лучше (Маркиян, Львовская обл.).

Такого множества людей в центре города, как на прощании с Виктором Чмиленко, я не припомню. Хотя у нас и до того были многолюдные собрания, но в тот день это была просто какая-то стихия... Движение по центральной улице было перекрыто полностью. Люди заполнили площадь и прилегающие улицы. Мы плакали. Было отчаяние, горе. Один из самых тяжелых дней в жизни. Это был первый Герой, с которым нам пришлось проститься. К сожалению, только первый. После прощания люди еще далеко провожали похоронный кортеж. Шли не перекрытыми улицами, ведь это уже не было запланировано, просто между машинами, блокируя их движение. Тысячи людей выкрикивали: «Герои не умирают!» И шли, шли, шли... (Елена, Кировоградская обл.).

Один из демальянсовцев, Андрей Мовчан, погиб на Майдане. Он был членом нашей партии достаточно давно. Мы с ним были знакомы, хотя он был не слишком разговорчивым, не очень активным; у нас были разные темпераменты. [...] Приехали в Киев, на Европейскую площадь, выгружаем из машины все, и рук не хватает [...]. И Андрей просто молча взялся помогать. У него был свой стиль майданирования: днем он был на работе, а ночью приходил на Майдан. Практически все три месяца. Я как сейчас вижу: мы несем эти медикаменты и все такое прочее... А вторая картинка — как Андрей сидит в лагере, просто сидит, просто находится, потому что ночью меньше всего людей. Он приходит, спрашивает, что нужно, чем помочь, и просто помогает, без особого фанатизма, радикализации (Дмитрий, Житомирская обл.).

Всякий раз, когда я приезжаю в Киев, не знаю, почему, но еду на Крещатик и иду по аллее Героев Небесной Сотни. Смотрю на лица этих людей, и у меня такое чувство, что каждого из них я знаю. Хотя в действительности из всех погибших знала только Устима Голоднюка, и то мы мимоходом познакомились, это все быстро произошло. Лично я этого человека не знала. Это невыносимая боль, и это очень страшно. У меня внутреннее ощущение, вроде я их всех знала. Поэтому я уверенно могу сказать, что они — Герои (Кристина, Николаевская обл.).

В жизни каждого человека есть такие моменты, когда нужно проверять, ты «добро» или «зло» — и правильно ли ты движешься. И у меня эта точка связана с Майданом: я задаю себе вопрос и ставлю себя в ту ситуацию — как бы я поступила тогда? Мне кажется, в то время я всегда принимала правильные решения. Из Франковска один из самых молодых Героев Небесной Сотни, Роман Гурик. Когда я ищу ответы на сложные вопросы, то прихожу в сквер, где его похоронили, и мне становится легче. Я очень легко переношусь во времена Майдана и получаю нужные ответы (Татьяна, Ивано-Франковская обл.).

Осмысление опыта: «Высший уровень толерантности, больше упорства, ответственность»

По свидетельствам респондентов значение того, что происходило со страной и с ними самими, осознается не сразу. И это не баланс потерь и достижений, а индивидуализированное требование уяснить для самого себя, кто ты и такие, как ты, есть и кем должен/стремишься быть. «Многие люди чувствуют свою ответственность из-за цены, которую заплатила Небесная Сотня. [...] Я думаю, это породило у многих высший уровень толерантности, большее упорство, стремление к изменениям и ответственность» (Маркиян, Львовская обл.); «[...] это толчок для каждого представителя нашей страны — осуществлять конкретные изменения в себе, брать определенную ответственность за эти процессы» (Максим, Ивано-Франковская обл.); «Сейчас я немного по-другому в целом смотрю на страну, на свою задачу, на то, что я лично могу сделать» (Евгения, Николаевская обл.); «Я стала гораздо серьезнее, чем была до того, я более ответственной стала» (Алина, Ривненская обл.); «Я все же стал сознательнее относиться к своей жизни» (Михаил, Николаевская обл.); «Как бы там ни было, за все нужно нести ответственность, и я свою несу. Не по принуждению, это жизненная позиция» (Вера, Одесская обл.); «[...] самое ценное — это те, кто тебя окружает, а не сколько ты зарабатываешь или какую сделал карьеру» (Алина, Ривненская обл.).

Майдан, как точно подытожила журналистка и общественная деятельница из Луцка 1991 года рождения, был «моей персональной войной за лучшую меня в этой стране» (Мария, Волинская обл.). Быть лучшим означало быть более ответственным: «Когда каждый возьмет на себя ответственность и начнет осуществлять конкретные изменения сам, тогда произойдут определенные изменения и в стране» (Максим, Ивано-Франковская обл.); «Если бы каждый человек действительно делал какое-то свое, пусть небольшое, дело, это могло бы вылиться в нечто большое» (Андрей, Запорожская обл.). Чаще всего речь шла о качественном выполнении профессиональных обязанностей или дела, за которое взялись: «... как бы я мог и хотел изменить страну, я делаю это профессионально, через IT» (Маркиян, Львовская обл.); «... поняла, что профессия, которую я избрала, — это не шутка, и что моя ошибка может стоить кому-то жизни» (Алина, Ривненская обл.).

Опыт Майдана придавал людям большее упорство и уверенность в себе, доверие к самому себе и веру в самого себя: «Больше стало уверенности, что я лично могу влиять на это все. Своими делами, большими или малыми, я могу показывать пример другим» (Евгения, Николаевская обл.); «Майдан дал мне больше силы и желания» (Валентин, Донецкая обл.); «Раньше я была не очень сильной и решительной. [...] После Майдана это стало легче — ведь ты видишь людей, которые хотят тебя слышать. Кроме того, у меня после этих событий появилось несколько целей, некая новая цель» (Алена, Кировоградская обл.).

В спонтанных рассказах неизменно присутствует и новое чувство — чувство идентичности со страной, насыщенное эмоциональным переживанием своей принадлежности к Украине, которое более выразительно формулируется женской половиной ровесников независимости: «Я всегда любила свою страну и государство — воспитание у меня, видимо, такое. Сейчас все это во мне стало, видимо, чуть сильнее» (Евгения, Николаевская обл.); «Это мой путь — с моей

страной, моей землей, моими украинцами — такими, как они есть, других у меня нет. Я все это люблю. Я за все это буду бороться» (Вера, Одесская обл.); «Это Украина, ее нужно беречь. И я ее люблю больше всего на свете» (Юлия, Житомирская обл.).

На момент интервьюирования рассказчики были оптимистично настроены в отношении послереволюционного украинского общества и дальнейшего развития страны: «Наша нация стала трансформироваться в настоящую патриотическую страну. Главное нам продолжать двигаться в этом направлении» (Андрей, Кировоградская обл.); «Мы сможем *step by step* прийти в другое государство. В государство, где власть будет работать на этих людей» (Евгения, Николаевская обл.); «Надеюсь, построим» (Андрей, Запорожская обл.); «Уже психологически другой стала страна. Но наша большая проблема в том, что мы не знаем, как жить в этом демократическом мире. Ибо просто не имеем опыта. И вот нужно эту свободу протянуть как можно дольше, и опыт появится: все больше и больше людей будут понимать, как заниматься бизнесом, будет повышаться политическая культура, люди будут понимать, кого выбирать, а кого нет. Это вопрос времени» (Валентин, Донецкая обл.).

Выводы

Приведенные выше высказывания участников столичного Майдана и региональных майданов обобщим в четырех итоговых утверждениях. Во-первых, «ровесники независимости» — это молодые люди, которые только что завершили или еще не завершили профессиональное образование, и у них впереди большая часть жизни. И потому естественна их повышенная озабоченность *будущим* — как собственным, так и страны в целом. И не таким будущим, которое станет простой экстраполяцией нынешнего дня, а таким, которое предполагает решительное несогласие с определенными «реалиями» политического и социального порядка, теми, которые следует оставить позади, в прошлом. На их место должен прийти новый социальный порядок, в основе которого — достоинство индивидов как цель эволюции государства — то, что постепенно утверждается, становится непреодолимым фактом общего существования. При этом необходимым условием такой направленности социальной мобильности становится культивирование «лучшего» в самих индивидах.

Во-вторых, такой процесс социально-индивидуального совершенствования приводит к формированию активного и все большего слоя носителей социального свойства, которое социологи и политологи обозначают как *гражданскую компетентность*. Речь идет о результативной коммуникации между разного уровня органами власти и людьми по поводу дел, касающихся удовлетворения личностно-витальных и общевитальных потребностей в рамках национального государства. А результативность всегда является производной от знаний и умения достигать успеха с учетом имеющихся обстоятельств и ограничений, а также от свободы и усилий, направленных на преодоление реальных или только воображаемых обстоятельств и ограничений исходя из высоких моральных и социальных стандартов.

В-третьих, едва ли не самой важной составляющей гражданской компетентности является «*историческая ответственность*». Она всегда предполагает

действие: вербальное — «с нами так нельзя» и реальное — «мы этого не допустим». С осознанием того, что противодействие этому несет риски и опасности профессиональной карьере и даже жизни. И тогда принимать историческую ответственность означает принимать весь возможный спектр ее последствий. В воспоминаниях наших респондентов это всегда односторонняя ответственность — их собственная, индивидуальная. Никто не упоминает ответственность государства, которая как бы находится за пределами актуального, в сфере возможного.

В-четвертых, темы солидарности, взаимной помощи, доброжелательности, поддержки доминируют в сообщениях информантов независимо от их социального статуса. То есть состояние вовлеченности в ситуацию предполагает и определенную степень выравнивания, гомогенизации. Однако не тотальной, поскольку сохраняются внутренние различия в этой фракции возрастной когорты ровесников независимости в отношении, например, к евроинтеграции Украины. Приобщение к событию преодолевает, таким образом, не все внутренние различия.

Утопическая тональность, сопровождающая воспоминания участников событий 2013–2014 годов в Украине, присуща молодости в целом и каждому поколению, которое появляется на подмостках истории. Впрочем, обертон здесь всегда выразительный и изначально один и тот же: социальные институты и порядки были и остаются следствиями действий людей, они должны изменяться согласно требованиям времени, прогресса технологий, потребностей региональных и территориальных сообществ.

Источники

Культыцький, С. (2020). «Революція розпаду» 1991 року й наступні революційні спалахи в Україні: закономірності пострадянської динаміки українського суспільства. В: *Революція Гідності: на шляху до історії*. Відп. ред.: І. Пошивайло, Л. Онишко (сс. 169–181). Київ: Національний музей Революції Гідності.

Літопис самовидців: Дев'ять місяців українського спротиву (2014). Авт. пр.: О. Забужко; упоряд. Т. Терен; передм.: С. Алексєвич. Київ: Комора.

Майдан від першої особи. 45 історій Революції Гідності (2015). Упоряд.: Т. Ковтунович, Т. Привалко. Київ: К.І.С.

Майдан від першої особи. Мистецтво на барикадах (2016). Упоряд.: Т. Ковтунович, Т. Привалко; Укр. ін-т нац. пам'яті (вип. 2). Київ: К.І.С.

Майдан від першої особи. Регіональний вимір. Вип. 3. Ч. 1: АР Крим — Луганська область (2017). Уклад.: О. Білобровець, Л. Бондарук, Т. Ковтунович, Т. Привалко [та ін.]; відп. ред.: Т. Привалко; Укр. ін-т нац. пам'яті. Київ: К.І.С.

Майдан від першої особи. Регіональний вимір. Вип. 3. Ч. 2. Львівська — Чернігівська області (2018). Уклад.: Г. Боднар, О. Доброер, Т. Ковтунович, О. Морозова, О. Стукалова [та ін.]; відп. ред.: Т. Привалко; Укр. ін-т нац. пам'яті. Київ: К.І.С.

Майдан. Свідчення. Київ, 2013–2014 роки (2016). За ред. Л. Фінберга, У. Головач. Київ: Дух і літера.

Революція Гідності: на шляху до історії. Збірник наукових праць (2020). Відп. ред.: І. Пошивайло, Л. Онишко. Київ: Національний музей Революції Гідності.

Шор, М. (2018). *Українська ніч. Історія революції зблизька*. Пер. з англ.: О. Буценко. Київ: Дух і літера.

Шведа, Ю. (2014). Революція Гідності у контексті загальної теорії соціальних революцій. Отримано з: https://zaxid.net/revolyutsiya_gidnosti_u_konteksti_zagalnoyi_teoriyi_sotsialnih_revolyutsiy_n1301345.

Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution. (2015). Ed. by D.R. Marples, F.V. Mills (Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Bd. 138). Stuttgart: ibidem Press.

Получено 30.06.2021

References

Kulchytskyi, S. (2020). The 1991 «Collapse Revolution» and the next revolutionary outbreaks in Ukraine: regularities of the Post-Soviet dynamics of Ukrainian society. [In Ukrainian]. In: *The Revolution of Dignity: on its way to history. Collection of research contributions.* Ed. by I. Poshyvailo, L. Onyshko (pp. 169-181). Kyiv: National Museum of the Revolution of Dignity. [= Кульчицький 2020]

Maidan from the first person. 45 stories of the Revolution of Dignity (2015). Ed. by T. Kovtunovych, T. Pryvalko. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [=Майдан 2015]

Maidan from the first person. Art at the barricades (2016). Ed. by T. Kovtunovych, T. Pryvalko. Ukrainian Institute of National Memory. Iss. 2. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [=Майдан 2016]

Maidan from the first person. Regional dimension. Vol. 3 in 2 parts. Part 1. AR Crimea – Lugansk region (2017). Ed. by T. Pryvalko. Ukrainian Institute of National Memory. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [=Майдан 2017]

Maidan from the first person. Regional dimension. Vol. 3 in 2 parts. Part 2. Lviv region – Chernihiv region (2018). Ed. by T. Pryvalko. Ukrainian Institute of National Memory. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [=Майдан 2018]

Maidan. Testimony. Kyiv, 2013–2014 (2016). Ed. by L. Finberh, U. Holovach. [In Ukrainian]. Kyiv: Dukh i litera. [=Майдан. Свідчення 2016]

Shveda, Yu. (2014). The Revolution of Dignity in the context of the general theory of social revolutions. [In Ukrainian]. Retrieved from: https://zaxid.net/revolyutsiya_gidnosti_u_konteksti_zagalnoyi_teoriiyi_sotsialnih_revolyutsiy_n1301345. [= Шведа 2014]

Shore, M. (2018). *The Ukrainian night. An intimate history of Revolution.* [In Ukrainian]. Kyiv: Dukh i litera. [=Шор 2018]

The chronicle of self-seekers: nine months of Ukrainian resistance (2014). Auth. of the proj. O. Zabuzyhko. Ed. by T. Teren; foreword: S. Aleksievich. [In Ukrainian]. Kyiv: Komora. [=Літопис 2014]

The Revolution of Dignity: on its way to history. Collection of research contributions (2020). Ed. by I. Poshyvailo, L. Onyshko. [In Ukrainian]. Kyiv: National Museum of the Revolution of Dignity. [=Революція 2020]

Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution (2015). Ed. by D.R. Marples, F.V. Mills (Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Bd. 138.). Stuttgart: ibidem Press.

Received 30.06.2021

ГАЛИНА БОДНАР

Покоління незалежності в Революції Гідності

У статті виокремлено середовище покоління незалежності в Революції Гідності, проаналізовано мотивацію участі, настрої, уявлення та очікування, їхню трансформацію з розвитком подій, досвід і уроки Майдану. Джерельним підґрунтям дослідження стали матеріали усної історії — 59 глибинних інтерв'ю з уродженцями всіх регіонів України та АР Крим. Означено регіональні (не)відмінності пояснення ровесниками незалежності своєї участі у протестах і конкретні події, які цьому передували. Записи в областях дали змогу подивитися зблизька на діяльність локальних майданів, коли добре проглядалися зріз столиця— регіон, новий досвід і виклики, з якими стикалися місцеві активісти, гендерні відмінності, постмайданівські (не) трансформації в регіонах. Виокремлено спогади про лютневі події 2014 року та образ Небесної Сотні. Молоді люди цінували «внутрішній світ» революції — єдність, взаєморозуміння, підтримку і допомогу, які вони знайшли серед майданівців, і не були готові до смертей на Майдані. Ще свіжі, з відстані двох-трьох років, розповіді про персональні досвіди та уроки

Революції Гідності, бачення свого майбутнього і майбутнього країни загалом уможливили бачення постмайданівського українського суспільства з перспективи покоління незалежності.

Ключові слова: покоління незалежності, Революція Гідності, глибинні інтерв'ю, мотивація, досвід

ГАЛИНА БОДНАР

Поколение независимости в Революции Достоинства

В статті виділено покоління незалежності в Революції Достоинства, проаналізовані мотивація участя, настроєння, представлення і очікування, їх трансформація з розвитком подій, опит і уроки Майдана. Істочниками для дослідження стали усні історії — 59 глибоких інтерв'ю з уроженцями всіх регіонів України і АР Крим. Відзначено регіональні (не)різниця об'яснення ровесниками незалежності свого участя в протестах і конкретні події, котрі цьому предшествовали. Записи в областях дозволили детально розглянути діяльність локальних майданів, коли добре просматривались срез столиця–регіон, новий опит і виводи, з котрими сталкивались місні активісти, гендерні різниця, (не)трансформації в регіонах в постмайданівський період. Виділено востинання о фебральських подіях 2014 року і образ Небесної Сотні. Молоді люди ценили «внутрішній мир» революції — єдинство, взаімпоніманіє, підтримку і допомогу, котрі вони наішли среди майданівців, і не були готові к смертям на Майдане. Єще свіжіє, с ряснонія двох–трех лет, рассказы о персональних опитах и уроках Революции Достоинства, виденіє свого будущеє и будущеє страны в целом дозволили увидеть постмайданівське українське обшество глазами поколения незалежності.

Ключевые слова: поколение независимости, Революция Достоинства, глубокие интервью, мотивация, опит

HALYNA BODNAR

Generation of Independence in the Revolution of Dignity

The paper highlights the environment of the generation of independence in the Revolution of Dignity, studies the motivation of participation, moods, ideas and expectations, their transformation with the development of events, experiences and lessons of the Maidan. We have 59 in-depth interviews with natives of all regions of Ukraine and the Autonomous Republic of Crimea, which have become a basis for the research. Regional groundwork allowed us to take a closer look at the activities of local Maidans, when the contrast between the capital and the regions, new experiences and challenges faced by local activists, gender differences, post-Maidan (non)-transformations in the regions were clearly visible. The paper also focuses on the recollections of the events of February 2014 and the image of the Heavenly Hundred. The young people appreciated the «inner world» of the revolution — the unity, mutual understanding, support and help they found among the Maidan residents. They were not ready to face the death on the Maidan. After two or three years, their personal stories and lessons taken of the Revolution of Dignity, visions of their future and the country as a whole are still fresh and allow to reveal the post-Maidan Ukrainian society from the perspective of the generation of independence.

Keywords: generation of independence, Revolution of Dignity, in-depth interviews, motivation, experience